

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ (ПРИМЕР ЛАТВИИ И ЛИТВЫ)

Удивительно, но так уж устроен человек, что высшей творческой активности он достигает в самые черные дни своей жизни. А к еврейскому народу это, пожалуй, относится даже в большей степени. Находясь на краю пропасти, в ситуации нечеловеческого абсурда, вынужденный каждую секунду бороться за выживание, человек обнаруживал неимоверный творческий потенциал. В *гетто и концлагерях практически повседневно совершался тот самый подвиг, к которому до последнего своего часа призывал Шимон Дубнов¹, — писалась летопись страданий и борьбы еврейского народа, создавались произведения, являющиеся свидетельскими показаниями. При этом было бы ошибкой недооценивать художественную ценность большинства из них. Явление это отнюдь не ново. Ведь весьма длительное время евреи практически пренебрегали написанием собственной истории, ибо, с традиционно еврейской точки зрения, вся история заключена в *Танахе. Исторические события начиная с «золотого периода» средневековья находят свое отражение в песнях и других поэтических формах. Особенностью фольклорного творчества *ашкеназского еврейства всегда было его «двойное дно» — слезы сквозь смех и смех сквозь слезы.

Песни, созданные в гетто и лагерях, не являются исключением. И в этом их сила. Неистребимый оптимизм или, по крайней мере, тонкий лучик надежды почти неизменно присутствует в большинстве песен гетто и концлагерей. Более того, юмор, сочный еврейский юмор, и вся шкала смеха — от иронии до сарказма и гротеска — нередко проглядывают сквозь ледяющие кровь картины. И подчас еврейское народное оружие — смех — оказывалось действеннее песен, откровенно призывающих к сопротивлению. Великий еврейский бард, которого, увы, не миновала участь более чем трети нашего народа, хоть и не в прибалтийском, а в Краковском гетто, Мордехай Гебиртг², известный в довоенный период своими глубоко народными песнями, в которых мотивы радости перемежались с лирическими, печальными и подчас трагическими, создавший в 1938 г. под впечатлением погрома в местечке Пшитык свою полную силы духа и трагического пророчества песню-призыв “*S'brent*” («Горит»), с приходом нацистов в Польшу пишет целый ряд песен, которые можно было бы охарактеризовать как веселые и жизнерадостные, если бы не их тема. Среди них искрометный **фрейлехс* “*Minutn fun bitokhn*” («Минуты уверенности») и легкий вальсок “*S'iz Gut*” («Хорошо!»).

«Дикий враг стремительно продвигается вперед, сея ужас, кровь и унижение, разрушая жизнь, ежедневно заглатывая страну за страной. Он проглотил уже пол-Европы, желудок его уже не в состоянии все это переварить, живот отяжелел и вот-вот лопнет».

Автор выражает благодарность Иешаягу Тайцу и Самуилу Хейфецу за любезно предоставленную информацию.

*Der soyne fun nemen
Iz mid shoyen un krank,
Zikh ibergefresen
Un hot keyn oysgang.*

Враг от приема пищи
устал уже и занемог,
обожрался,
а по нужде сходить не может.

*Un idelekh shrayen: — S'iz gut,
Un idelekh kveln: — S'iz gut,
Un idelekh shrayen: — S'iz gut
Zayn sof vet bald zayn.
Omeyn!*

А евреи кричат: — Хорошо!
А евреи ликуют: — Хорошо!
А евреи кричат: — Хорошо!
Вот-вот придет ему конец.
Аминь!

Эта песня была написана в Краковском гетто в мае 1942 г. До избавления еще было ох как далеко, а до трагической гибели поэта — считанные дни.

Свои барды-летописцы, пусть не столь великие (кто измерит их величие?...), пусть не столь известные, были и в гетто и лагерях Прибалтики.

В трудовом лагере Пречу³ писал свои музыкально-поэтические «свидетельские показания» юный липпайчанин Яша Рабинович. В своей песне “*KZ-Lied*” («Песня концлагеря») в глубоко народной манере, полной «черного» еврейского юмора, Яша повествует о том злопамятном дне *Йом-Кипур 1943 г., когда 815 оставшихся в живых узников Лиепайского гетто были доставлены в концлагерь Кайзервальд⁴ в Риге. Как известно, Йом-Кипур, как, впрочем, и другие еврейские праздники, был излюбленным для нацистов временем проведения акций и прочих антиеврейских «мероприятий». Поэтому тематика Йом-Кипура нередко встречается в песнях гетто.

Надзирателями в Кайзервальде были уголовники, привезенные из разных лагерей Германии. Они тоже были одеты в полосатую униформу узников, за что и получили прозвище «зебры». Их одежда была аккуратно пошита и отглажена. Сквозь мрачные картины голода, страха и страданий Яша Рабинович находит в себе силы смеяться в глаза жестокости и смерти. Так рисует Яша Рабинович «гостеприимство» лагерного «привратника».

*In tir iz geshtanen in shtrayfn a lets,
Geteylt hot er alemen bitere pets.*

В воротах стоял шут в полоску,
распределяя всем и каждому по бои.

Перед тем как взамен отобранных вещей узникам выдавалась лагерная униформа, они проходили так называемую санобработку и, прежде чем успевали воспользоваться душем, их нагайками гнали дальше.

*Gekashert hot men undz in bod af a bezem,
Alts iz avek, vi keyn mol nit geven,
Men hot undz di letste di kleyder gemumen
Far tsdoke, far Zebras, far Malbish arumim.*

Нас в бане веником «откошерили»⁵,
все кануло, будто никогда и не бывало,
у нас отобрали последнюю одежду
на пожертвование для «зебр», на бедных⁶.

Узникам концлагеря намеренно выдавалась одежда несоответствующего размера, для того чтобы они имели смешной и нелепый вид. Нередко униформа была вымазана желтой или белой краской и на ней были выведены кресты.

Men hot undz gegeben di vazhne b' godim.

Нам выдали почетную одежду.

Смех помогал евреям выносить и голод.

*Men hot undz gehaltn vi khosheve gest,
Oyf fule pension, vi eydem af kest,
Tzu esn gegeben a shikele broyt,
Farn lebn tsu veynik, tsu fil farn toyt.*

Нас содержали, как почетных гостей,
На полном пансионе, как у тестя на харчах,
Выдавали нам по кусочку хлеба —
Мало, чтоб жить, но много, чтоб умереть.

Виртуозное владение автором богатейшими нюансами языка *идиш придает песне особую остроту. Написанная на любом другом языке, она, вероятнее всего, превратилась бы в перечисление ужасающих фактов. В то же время умелое использование Яшей слов, связанных с еврейской традицией, в необычном для них контексте, которое становится возможным благодаря необычайной гибкости и разноплановости языка идиш, делает эту песню своего рода оружием смеха. Например, название религиозно-благотворительной организации для распределения одежды нуждающимся — *«*Малбиш-арумим*», употребленное автором в контексте песни, является настолько абсурдным, что именно идиш и только он делает это название гротескно выпуклым, заставляя слушателя смеяться сквозь слезы.

Трагический сарказм песни подчеркивается и ее мелодией. Будучи заимствованной из песни Мордехая Гебиртига “*Dos lidl fun goldenem land*» («Песенка о золотой стране»), она из плавно-вальсовой превращается в угловато-маршевую. Гебиртиговская ностальгия по счастливым детским годам, когда любящая мать пела сыну о сказочной золотой стране, превращается у Яши Рабиновича в страшную реальность (“*Mir zingen a lidl fun hayntiker tsayt, fun idishe tores, fun idisher layd*” — «Мы поем песенку о сегодняшнем дне, о еврейских бедах, о еврейских страданиях»), где тоже присутствуют маленькие дети (“...*mir zaynen ingelekh kleyn*” — «...мы маленькие мальчики»), но, увы, не присутствуют их добрые мамы, и вместо песенки о сказочной золотой стране поют «маленькие мальчики» о реальной «стране» под названием “*KZ*”. И доказательством того, что совпадение не случайно, служит сходно-противоположное “*dos lidl fun goldenem land*” — «песенка о золотой стране» у Гебиртига и “*dos lidl fun undzer KZ*” — «песенка о нашем концлагере» у Яши.

Освещение темы голода в иронически-саркастическом ключе не редкость в песнях гетто и лагерей. Слышится она и в песне восемнадцатилетнего неунывающего узника лагеря Пречу Левы Берникера “*Reichsbahnlied*” («Железнодорожная песня»). Посредством созвучного его характеру беззаботного танцевального шлягера Лева «советует»:

*Schmiede, schaffe, arbeite fuer Drei,
Kriegst dann abends deinen Wasserbrei;
Erweck 'den Anschein, die Arbeit faelt dir schwer,
Kriegst villeicht 'nen Teller mehr.*

Куй, твори, работай за троих,
За это вечером получишь водянистую свою похлебку;
Создай впечатление, что усердно трудишься,
Получишь, быть может, добавочную порцию.

Увы, Лева Берникер скончался от истощения в концлагере Штутгоф (на территории Польши) в апреле 1945 г.

В песне, написанной липайчанкой Этель Цин в трудовом лагере Стразденгоф⁷ на несколько видоизмененный мотив марша «Прощание славянки», автор жалуется в той же характерной еврейской манере «смеха сквозь слезы»:

*Mit esn iz do zeyer biter —
Di zup iz epes modne blo.
Un dertsu iz zi in gantsn shiter;
Vayl keyn kartofl far undz iz nokh nito.*

С едой здесь очень горько —
суп что-то странно синеват,
и вдобавок он совсем жидкий,
потому что картошки для нас еще не припасли.

Похожие строчки мы находим и в «Гимне лагеря Паплака»⁸, который приводит в своем «Дневнике» Калман Линкемер. Здесь автор пытается придать теме голода оттенок бесшабашности:

*Mit akhile iz do gor zoyer
Far idn di geto ratsion,
Nor men git zikh an eytse mit a poyer
Un makht bay im eyer, puter, hon.*

Что касается еды, то здесь совсем кисло
с рационом гетто для евреев,
но удается договориться с мужиком
и разжиться у него яйцами, маслом, петухом.

Рискуя жизнью, узники пытались всеми правдами и неправдами пронести в гетто еду. Продукты прятали под одеждой, головными платками и даже в волосах. В результате этого многие возвращались с работы с «раздутыми животами» и с «горбами» на спине. При обыске в Вильнюсском гетто тех, у кого обнаруживали продукты, отправляли в так называемый «магазин», где все найденное отбиралось. Счастлив был тот, кому удавалось отделаться лишь побоями. Узница Вильнюсского гетто, впоследствии партизанка, которой довелось в составе боевого отряда войти в освобожденный Вильнюс, — Рикла Глезер тоже писала свою поэтическую «летопись», полную самоиронии и гротеска. В песне, исполнявшейся на мелодию популярной советской песни «Москва моя», — “*Du geto mayn*” («Гетто мое») Рикла повествует:

*S'iz baym geto hel un lustik,
Un di levone likhtik glantst,
Un af zhidovske kep un pleytsets
Di nagayke tantst un tantst.*

Возле гетто светло и весело,
и луна сияет ярко,
а по жидовским головам и спицам
нагайка все пляшет и пляшет.

*Kumst tsu geyn mit boykh un hoyker,
Dos iz epes gor nit fayn,
Vi in Amerike, lehavdl,
Lozt men kriplen nit arayn.*

Если ты пришел с большим животом и горбом,
это просто неприлично.
Как в Америке, не будь рядом упомянута,
уродам вход воспрещен.

*Du geto mayn,
Du heymland mayn,
Men muz nokh kumen shlank un fayn.
Hostu a harts⁹
Hostu a boykh,
In kleylt flistu ,vi a roykh.*

Гетто мое,
родина моя,
нужно приходиться стройным и красивым.
Если у тебя сердце¹⁰,
если у тебя живот,
полетишь в «магазин», словно дым.

Другой темой «черного» юмора в Вильнюсском гетто было так называемое «желтое удостоверение». Обладатели этого документа получали на некоторое время отсрочку от Понар¹¹. В вышеупомянутой песне Рикла Глезер с саркастической «гордостью» рассказывает:

*Du geto mayn,
Du heymland mayn,
Un du mayn libster geler shayn.
Du libster mayn,
Du geler shayn,
On dir iz in Ponar arayn.*

Гетто мое,
родина моя,
и ты, дражайшее мое желтое удостоверение.
Ты у меня самое дорогое,
мое желтое удостоверение,
без тебя прямая дорога в Понары.

Счастливые обладатели спасительного «желтого удостоверения» имели возможность приписать к себе трех-четырёх членов семьи. Случалось, что девушка записывала кого-нибудь своим мужем. Приписывались также чужие дети. В Вильнюсском гетто на мелодию популярной еврейской народной песни *“In rod arayn”* («Встаньте в круг») пели:

*Tants, tants, tants a bisele mit mir:
Host a gele shayn, hob ikh khasene mit dir.*

Потанцуй немножечко со мной.
Если есть у тебя желтое удостоверение, я на тебе женюсь.

Еврейские полицейские в гетто кроме «желтого удостоверения» имели еще и ряд привилегий. Заводить роман с полицейским было выгодно. В начале 1942 г. в кукольном театре Вильнюсского гетто исполнялась такая пародия на еврейскую любовную песню:

*Er ruft mir “krasavitse”
Un shvert mir: “Mayn lyubenyu,
Ikh vel dir him,vi mayn geln shayn,
Ba mir vestu trogn un trogn pokupkelekh,
Oyb du vest nor mayne veln zayn”.*

Он называет меня красавицей
и клянётся мне: «Любушка моя,
я буду беречь тебя, как мое желтое удостоверение.
Ты будешь у меня постоянно проносить [в гетто] покупочки,
если только будешь моей».

Многие песни в Вильнюсском гетто писались к спектаклям и театральным ре-
вю. Да, как ни странно это звучит, но воля к полноценной культурной жизни у ев-
реев всегда была сильнее трагических обстоятельств. Театр был создан из профес-
сиональных актеров молодым режиссером Вискиндо, который утверждал, что и
театр может служить оружием против врага. Литературным руководителем театра
Вильнюсского гетто был замечательный поэт А. Суцкевер. Актеры, днем занятые
на тяжелой каторжной работе, репетировали по ночам.

В Вильнюсском гетто функционировал и самый настоящий симфонический ор-
кестр под управлением Вольфа Дурмашкина. Музыканты, заблаговременно спря-
тавшие свои музыкальные инструменты в подземном тайнике, затем по канализа-
ционной трубе перенесли их в гетто. Работая на принудительных работах в городе,
они обнаружили в заброшенной еврейской квартире пианино. Им удалось разо-
брать его на детали и пронести в гетто, где опытный мастер его восстановил. Поче-
му-то, говоря о героизме еврейского народа в годы Холокоста, не уделяется долж-
ного внимания этому феномену народного духа. Уверен, что необычная в подобных
условиях жажда национальной культурной жизни является одной из существенных
причин сохранения евреев как народа.

Песни для театральных спектаклей писали известные еще до войны еврейские
поэты и музыканты: К. Бройдо, Ш. Качергинский¹², М. Векслер и др. Театральность
накладывала свой отпечаток на эти произведения. Недаром большинство песен, со-
зданных в Вильнюсском гетто, носят романтический характер и написаны чаще

всего в ритме танго. В то же время песни нетеатрального происхождения нередко заимствовали существующие мелодии еврейских народных песен, например: “*Oufn pripechek*” («На припечке»), “*Fun der arbet*” («С работы»), “*Koyft zhe papirosn*” («Купите папиросы»), “*S'iz geven a zumertog*” («Был летний день») и др.; или мелодии русских советских песен: «Орленок» — “*Far vos iz der himl*” («Почему небо было ясным вчера»), «Тучи над городом встали» — “*Bombes*” («Бомбы»), «Раскинулось море широко» — “*Aroys iz in Vilne a nayer bafel*” («Издан в Вильно новый указ») и др.

Существовал в Вильнюсском гетто и совет литераторов и художников, проводились художественные выставки. Большое внимание уделялось образованию детей¹³.

В латвийских гетто не было да и быть не могло столь разветвленной культурной жизни. К началу 1942 г. все латвийские гетто насчитывали около 6000 человек. Только за один период между двумя большими акциями — с 30 ноября по 9 декабря 1941 г. — было уничтожено около 80 % рижских евреев. И все-таки яркая довоенная концертная жизнь евреев Латвии имела свое продолжение и в гетто, куда в Риге были заключены исполнители народных песен и канторы, оперный певец Яков Иоффе¹⁴, выдающийся скрипач профессор Адольф Мец¹⁵, виолончелист Темко... Концерт талантливого юного пианиста Германа Годе вызвал большой интерес даже у коменданта Рижского гетто Рошмана. Еще активнее была культурная жизнь в так называемом «Рейхсюденгетто» («Гетто евреев из рейха») в Риге, где не было запрета ни на религиозную деятельность, ни на образование для детей. А по воскресным вечерам бывало джаз-банд братьев Шпрингфельдов (Спрингфильдов), в состав которого наряду с латвийскими музыкантами входили немецкие, австрийские и чешские евреи, собирав молодежь на танцы.

В отличие от Литвы, где родным языком евреев всегда был идиш, в Латвии идиш делил свое влияние с немецким и русским языками. Немецкая культура, оказавшая свое влияние на евреев Курляндии, была для них близкой и в Риге. Этим объясняется то, что в литовских гетто песни в основном сочинялись на идише, тогда как в Латвии — в том числе и на немецком. Песни, созданные на немецком языке, обычно были значительно менее связаны с народной поэзией, в них реже и слабее ощущались ирония, юмор или сарказм. В то же время они, как правило, отличались оптимизмом, стремлением к свободе, к единению с природой. Мелодии этих песен в большинстве своем отмечены влиянием немецких шлягеров, иногда с джазовым оттенком.

Немало песен на немецком языке было написано девушкой из Лиепай Иоганной Спектор¹⁶, испытавшей на себе лишения и ужасы Лиепайского гетто, концлагеря Кайзервальд, трудового лагеря Пречу, концлагеря Штутгоф возле Данцига (ныне Гданьск в Польше), трудового лагеря Столп в Померании, концлагеря Бургтграбен возле Лангфура и в мае 1945 г. освобожденной англичанами в Эккертнёрде возле Килья. Впоследствии Иоганна эмигрировала в США, где стала профессором музыки в Нью-Йорке.

Своими песнями Иоганна Спектор откликалась на трагические события в гетто и лагерях. Когда в 1942 г. евреи Лиепай были заключены в тюрьму, что в сущности означало почти верную гибель, Иоганна Спектор написала песню “*Im Gefaengnis*” («В тюрьме»). Рисуя в начале песни радости жизни — солнце, сияющее в полную силу, призывающее играть и танцевать, автор горько сожалеет о том, что так рано приходится прощаться с жизнью. Мелодия первого куплета напоминает песни довоенного немецкого кино. Нисходящие хроматические ходы на текст “*Die Welt ist*

gar zu schoen, ich moechte nicht von ihr gehn” («Мир слишком прекрасен, я не хочу его покидать») как бы символизируют “*Untergang*” («Закат жизни»). Во втором куплете, говоря о неминуемой гибели, Иоганна все же оставляет место для тонкого лучика надежды: “*Von der Freiheit koenen wir traeumen im blassen Morgenrot*” («Мечтать можем мы о свободе при бледном свете зари»). Но именно здесь призрачность мечты подчеркивается столь не характерными для Иоганны Спектор «еврейскими» мелодическими интонациями, включая увеличенную секунду, которая, будучи направлена вниз, создает настроение печали и горя. И здесь моментально, хоть и на мгновение, срабатывает еврейская дуэплановость. Оптимизм тем более действен, если он возникает на основе трагической действительности. В последующих куплетах мелодия приобретает гимнический характер, напоминая хоровые песни немецких или латышских композиторов, и только октавный скачок почти в конце песни вновь создает впечатление еврейского народного мелоса. Автор не теряет оптимизма и надежды даже в столь трагически безнадежной ситуации. В последнем куплете они уже звучат в полную силу:

*Verzaget nicht, ihr Lieben,
Verzage nicht, mein Kind!
Es kommen bess're Zeiten,
Es weht noch ein andrer Wind.*

Не отчаивайтесь, любимые,
не отчаивайся, дитя мое!
Наступят лучшие времена,
ветер еще переменится.

В 1944 г., находясь в трудовом лагере Столп в Померании, Иоганна Спектор пишет песню-миниа­тюру, состоящую всего из восьми коротких строчек. Строчки эти при всей своей скупости необычайно картинны. Создается как бы ощущение луча света, который, уходя вдаль, становится все ярче и шире.

*Moechte fahren
In die Freiheit,
Moechte fahren
In das Glueck,
In di Ferne,
In di Fremde,
Und nie mehr
Zurueck*

Хочется уехать
на свободу,
хочется уехать
в счастье,
вдаль,
на чужбину
и никогда больше
не возвращаться.

В комментариях к этой песне Иоганна Спектор рассказывает об истории ее создания. Прокладыванию железнодорожных путей мешала гора. Наличие достаточного количества бесплатной рабочей, или, точнее, рабской, силы позволило сэкономить на динамите. Ежедневно под градом проклятий и побоев узники должны были гольми руками под проливным дождем грузить в вагоны мокрую глину. Казалось, этому никогда не будет конца. И когда доверху груженные вагоны, наконец, двинулись в путь, из-за туч показалось солнце и из груди вырвалась песня — сначала медленно, как бы нерешительно, но затем все быстрее и быстрее, в такт убегающим вдаль вагонам. Моторность песне придает и ее мелодия, в которой наряду с безусловным влиянием немецких шлягеров проглядывают интонации гершвиновской “*Clap Yo' Hands*” («Хлопай в такт»).

Великолепным образцом еврейской народной поэзии явилась «Кольбельная», написанная весной 1943 г. в трудовом лагере Пречу Яшей Рабиновичем. Песня эта

возникла как реакция на очередную акцию, когда эсэсовцы, шныряя из лагеря в лагерь, вылавливали детей, уцелевших в предыдущих акциях. Чудом оставшимся и на этот раз в живых была адресована «Колыбельная» Яши. Несмотря на то, что она написана на немецком, что в общем для него не характерно, «Колыбельная» пронизана еврейской народностью. Тут и «присутствие» отсутствующего отца — *“Vater ist nicht mehr am Leben”* («Отца нет больше в живых»), и пожелание мамы, чтоб ребенок не испытал ее страданий, и репризное повторение первого куплета в конце песни, и характерное подчеркивание уникальности, единственности ребенка, которое здесь приобретает особую двусмысленность — *“s gibt von Kindern nicht mehr viele, wie du, mein Sonnenschein”* («Немного найдется таких, как ты, детей, мой солнца свет»). Увы, действительно спастись удалось немногим детям. И, наконец, мелодия, лишенная немецкого влияния, характерная как для еврейских, так и для восточнославянских колыбельных, имитирующая покачивание колыбельки. Особую теплоту придает «Колыбельной» игра слов — *Sohn* (сын) и *Sonnenschein* (солнца свет). Каждый куплет песни, кроме последнего, заканчивается мелодической вопросительной интонацией, повторяющейся дважды (восходящий квинтовый интервал с пятой на вторую ступень). Светлое завтра когда-нибудь наступит, но вряд ли скоро. *“Der Morgen ist noch weit”* («До рассвета еще далеко»).

Яше Рабиновичу, талантливому, глубоко народному поэту, не довелось дождаться рассвета. Он был застрелен нацистами 3 мая 1945 г. в Нейштадте, всего за два часа до прихода освободителей.

Холокост высветил целый пласт песен об обездоленных, но неунывающих детях. Такие из них, как *“Ikh bin fun “kolkhoz”*» («Я из «колхоза»») Л. Опескина и М. Векслера о 12-летних братьях-близнецах из так называемого «колхоза», т.е. пекарни Вильнюсского трудового лагеря «НКР», или «Исролик» Л. Розенталя и Г. Герштейн о маленьком уличном торговце, мальчике-сироте из Вильнюсского гетто, ведут свою родословную от классического гебиртиговского *“Avremele der Marvikher”* («Авремеле-вор»).

Детская тема песен Холокоста оставляет очень мало места для смеха, даже сквозь слезы. Но надежда, оптимизм, пусть даже в стертой, неочевидной форме присутствуют в большинстве из них. Вот две песни, написанные с интервалом в один год. Одна возникла в липайском укрытии 19 июня 1944 г., другая — раньше, в 1943 г., в гетто Шяуляя введ за майской детской «акцией». Автор первой песни, липайчанин Калман Линкемер, написал ее, находясь в укрытии вместе с группой евреев. Среди них была женщина с маленьким ребенком на руках. Опасаясь, что плач или даже громкое дыхание ребенка выдаст их, мать крепко сжимала ему рукой рот. В песне К. Линкемера ребенок спрашивает мать, за что она сердится на него, в чем его вина. И мать отвечает: «Ни в чем, кроме того, что ты родился еврейским ребенком!» (*“Du fregst mikh vos es iz dayn zind. Gor nisht, oysser nor dos eyne, du bist geborn a idish kind!”*). Ситуация весьма и весьма драматическая. И все же, рискуя задушить ребенка, мать ни на минуту не теряет надежду на его спасение.

В противовес песне Калмана Линкемера песня Ханы Хайтиной из Шяуляйского гетто *“A idish kind”* («Еврейский ребенок») на первый взгляд внушает оптимизм. Мать отдает сына в нееврейскую семью. Мальчик будет спасен. Вопрос лишь в том, какой ценой. *“Mer keyn idish vort, keyn lid, vayl du bist nit mer keyn id”* («Больше ни слова по-еврейски, ни песни, потому что ты больше не еврей»). Безусловно, и тем более с точки зрения иудаизма, нет ничего важнее спасения человеческой жизни, особенно жизни ребенка. С другой стороны, отказ от еврейства нередко трактовал-

ся как смерть. Главный раввин Блужнова Израиль Спира рассказывал своим ученикам о женщине, которая, перед тем как передать младенца в руки эсэсовца, попросила у него нож и сама сделала ребенку *обрезание. Для матери лишение ее ребенка причастности к еврейству оказалось страшнее самой его смерти. Судя по рассказу раввина, была очень малая доля вероятности спасения младенца, но ведь была же! Эсэсовец не заметил ребенка, спрятанного в куче грязного тряпья.

Таким образом, если драматизм песни Калмана Линкемера окрашен в прозрачные тона надежды, то оптимизм песни Ханы Хайтиной носит драматически-трагическую окраску.

В гетто создавались песни не только о детях, но и для детей. В этих песнях авторы стремились увести их из мира варварской жестокости в мир детства. В Рижском гетто таким педагогом-композитором был руководитель известного в довоенной Риге оркестра мандолинистов, виолончелист, автор «Марша “Маккаби”»¹⁷ Илья Хейфец. В гетто И. Хейфец устраивал *пуримшпили для детей, обучал их в нелегальной школе малого гетто песням, в том числе и написанным им самим. Простые мелодии, слова, наполненные светом и ароматом дождя, продолжали традиции школьных песен 20—30-х гг. “*Kinderlekh, oy, kinderlekh, a regndl a vunderlekh, shmekndike tropelekh*” («Деточки, ой, деточки, дождик прекрасный, благоухающие капельки») — пели маленькие воспитанники Ильи Хейфеца, словно подхватывая расстрелянную песню их родителей, звучавшую в 20-е гг. в рижской 4-й еврейской основной школе¹⁸, — “*Got getrayer, gib a regn far di kleyne kindersvegn*” («Боже, пошли дождь маленьким деткам»).

Парфразируя известный афоризм «Мир выжил, потому что смеялся», берусь утверждать, что многовековая надежда и неистребимый еврейский юмор в немалой степени способствовали выживанию еврейского народа вообще и в условиях Холокоста в частности. В гетто и концлагерях с особой силой проявилась извечная еврейская надежда: “*Afile az a mench zet a grub ofn, zol er nisht oyfhern tsu hofn*” («Даже на краю могилы нельзя терять надежду»). Жестокая повседневная действительность породила защитную реакцию народа — смех. “*Dos biterste mazl ken men farshteln mit a shmeykhl*” («Улыбка может заслонить даже самую горькую судьбу»), — издавна утверждали евреи, ибо “*a gelekhter hert men vayter vi a geveyn*” («смех слышен дальше, чем плач»)¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. прим. 15 на с. 74.

² Гебёртиг Мордехай (псевд.; наст. фам. Биртиг) (1877—1942) — еврейский поэт-песенник, писавший на идише. Родился в Кракове, всю жизнь работал плотником. Многие его песни первоначально предназначались для музыкальных спектаклей. Близкие к народному песенному творчеству, они приобрели широкую популярность в Польше и за ее пределами. В июне 1942 г. вместе с семьей был перевезен из Краковского гетто в лагерь смерти Белжец, где вскоре погиб от рук нацистов. — *Ред.*

³ Имеется в виду железнодорожная станция Рига-товарная (латыш. *preču* — товарная). — *Ред.*

⁴ Кайзервальд — концлагерь в рижском районе Межапарк. Начал строиться летом 1943 г., после того как 21 июля рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто на «восточных землях» и переводе всех евреев в концентрационные лагеря. Лагерь был построен силами заключенных, привезенных из концлагеря Заксенхаузен (в 30 км севернее Берлина), — преимущественно немцев и поляков, и в основном ничем не отличался от других нацистских лагерей массового уничтожения. Имел более десятка филиалов. — *Ред.*

⁵ От слова «*кошерный». — *Ред.*

- ⁶ В оригинале — «*Малбиш-арумим*».
- ⁷ Стразденгоф — филиал концлагеря Кайзервальд (см. прим. 4) в Страздумуйже (ныне в рижском районе Югла). — *Ред.*
- ⁸ Паплака находится в Лиепайском районе Латвии. — *Ред.*
- ⁹ В оригинале, вероятно, “*a horb*”.
- ¹⁰ В оригинале, вероятно, «горб».
- ¹¹ Панеряй (Понары) — дачное место в 10 км южнее Вильнюса, ставшее во время Второй мировой войны одним из основных мест массового уничтожения евреев нацистами и их местными пособниками в Литве. Всего, по различным оценкам, там было уничтожено от 70 до 100 тыс. человек, главным образом евреев Вильнюса и его окрестностей, а также советских военнопленных и участников Сопроствления. — *Ред.*
- ¹² Подробнее о нем см.: *Гельцер Ш.* Актуальность духовного наследия подвижников еврейской культуры З. Калмановича и Ш. Качергинского // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф.*, Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 230—233. — *Ред.*
- ¹³ См. об этом также в ст. М. Зака, опубликованной в настоящем сборнике. — *Ред.*
- ¹⁴ Подробнее о нем см.: *Sava krāsa varavīksnē*. R., 1997. 157. lpp. — *Ред.*
- ¹⁵ Мец Адольф (1888—1943) — скрипач, педагог. Родился в Дубоссарах (Молдавия). Окончил Одесскую музыкальную школу, затем Петербургскую консерваторию. С 1922 г. преподавал в Латвийской консерватории (с 1930 г. профессор). Вел активную концертную деятельность. Погиб в Рижском гетто. Подробнее о нем см.: *Sava krāsa varavīksnē*. 21. lpp. — *Ред.*
- ¹⁶ Подробнее о ней см.: *Вестерман М.* Мотивы еврейского национального самосознания в поэзии Холокоста в Латвии // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф.* С. 246—253. — *Ред.*
- ¹⁷ «Маккаби» — еврейское спортивное общество, основанное в Риге и других городах Латвии в 1918 г. и в 1928 г. вступившее во Всемирное спортивное общество «Маккаби», истоки которого восходят к концу XIX в. — *Ред.*
- ¹⁸ См. прим. 6 на с. 133.
- ¹⁹ При написании статьи были использованы следующие литература и источники: *Дневник Калмана Линкемера (Музей и документационный центр «Евреи в Латвии»), III/1120; Архив *Яд-Вашем (Иерусалим), 0.80/93; Материалы из личного архива Иешаягу Тайца (Ришон-ле-Цион, Израиль); Личные воспоминания Ильи Хейфеца (информация получена от С. Хейфеца (Филадельфия); Еврейская народная песня: Антология / Сост. М. Гольдин. СПб., 1994; Ghetto und KZ-Lieder aus Lettland und Litauen / Aufgezeichnet, gesamm., erkl. u. mit Begleitung vers. von J. Spector. Wien, 1947; *Eliach J.* Hasidic tales of the Holocaust. N.Y., 1982; *Kaufmann M.* Churbn Lettland: Die Vernichtung der Juden Lettlands. München, 1947; Muted voices: Jewish survivors of Latvia remember / Coll. a. ed. G. Schneider. N.Y., 1987; The unfinished road: Jewish survivors of Latvia look back / Coll. a. ed. G. Schneider. N.Y. etc, 1991; We are here: Songs of the Holocaust / Comp. E. Mlotek, M. Gottlieb, forew. E. Wiesel. [S.l.], 1990; *Bobé M.* Yidn in Letland. Tel-Aviv, 1972. (Yiddish); *Gebirtig M.* Mayne lider. N.Y., 1948. (Yiddish); *Dos Gezang fun Vilner Geto / Gezamlt, derklert un hakh dome fun Sh. Kacherginsky.* [S.l.], 1947. (Yiddish); *Ha-entsiklopediya Ha-ivrit.* Jerusalem; Tel-Aviv. Vol. 21. (Hebr.); *Sutskever A.* Fun Vilner geto. Moskve, 1946. (Yiddish).*